

Оригинальная статья / Original article

УДК 39

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-131-140>

«Пять видов скота» – основа кочевого хозяйства тюрко-монгольских народов Внутренней Азии

© М.М. Содномпилова, Б.З. Нанзатов

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация: В статье выполнен анализ традиционных практик скотоводства, обеспечивавших возможность успешного разведения скота, выявлены значение отдельных видов животных в хозяйстве кочевников, символические образы животных. Важнейшим достижением биологической адаптации кочевой культуры к суровым, непредсказуемым природным условиям Внутренней Азии, стало разведение разных видов домашних животных, приспособленных к разным экологическим нишам региона. Главным богатством кочевника выступает домашний скот, собирательный образ которого воплощен в понятии *табан хошуу мал* – «пять видов скота». В его состав входят *табан хошуу мал* лошади, верблюды, крупный рогатый скот, овцы и козы. Также все животные делятся на две группы – скот с «горячим дыханием» *халуунхушуутай* и с «холодным дыханием» *хүйтэнхушуутай*. Определен круг традиционных хозяйственных практик кочевников, направленных на успешное разведение скота. Выявлено, что одним из основных маркеров «хорошего» производителя, учитываемого в селекции, является масть животного. Охарактеризованы традиционная система регулирования пастбищ и водопоя в разные сезоны года, защита от нападения хищников, кровососущих насекомых, селекция, лечение. Выявлено место, значение домашних животных в традиционной правовой системе кочевников.

Ключевые слова: Внутренняя Азия, тюрки, монголы, скотоводство, хозяйственные практики, селекция, правовая культура, миф, domestикация

Благодарности: Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки России: проект XII.191.1.1.Трансграничные России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество, номер государственной регистрации № АААА-А17-117021310269-9 ("The transboundary spaces of Russia, Mongolia and China: history, culture, contemporary society").

Информация о статье: Дата поступления 14 февраля 2020 г.; дата принятия к печати 10 марта 2020 г.; дата онлайн-размещения 31 марта 2020 г.

Для цитирования: Содномпилова М.М., Нанзатов Б.З. «Пять видов скота» – основа кочевого хозяйства тюрко-монгольских народов Внутренней Азии // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 131–140. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-131-140>

"Five types of livestock" – the basis of the nomadic economy of the Turk-Mongols of Inner Asia

© Marina M. Sodnompilova, Bair Z. Nanzatov

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia

Abstract: The article analyzes traditional cattle breeding practices that provide the opportunity for successful cattle breeding. The values of individual animal species in the economy of nomads, symbolic images of animals are also revealed. The most important achievement of the biological adaptation of the nomadic culture to the harsh, unpredictable natural conditions of

Inner Asia was the breeding of different species of domestic animals adapted to different ecological niches of the region. The main wealth of the nomad is livestock, the collective image of which is embodied in the concept of *tabanhoshuu mal* – “five types of livestock”. Five types include horses, camels, cattle, sheep and goats. Also, all animals are divided into two groups – livestock with “hot breathing” – “*qaluunquľuutai*” and with “cold breathing” – “*кыитенquľuutai*”. The circle of traditional nomadic economic practices aimed at successful cattle breeding is defined. It was revealed that one of the main markers of a “good” producer, taken into account in breeding, is the suit of the animal. The traditional system of regulation of pastures and watering in different seasons of the year, protection against attacks by predators, blood-sucking insects, selection, treatment are characterized. The place and importance of domestic animals in the traditional legal system of nomads is revealed.

Keywords: Inner Asia, Turkic peoples, Mongolic peoples, cattle breeding, business practices, selection, legal culture, myth, domestication

Acknowledgements: The research was carried out within the state assignment of FASO Russia (project XII.191.1.1. “The trans-boundary spaces of Russia, Mongolia and China: history, culture, contemporary society”, № AAAA-A17-117021310269-9.

Article info: Received February 14, 2020; accepted for publication March 10, 2020; available online March 31, 2020.

For citation: Sodnompilova M.M., Nanzatov B.Z. (2020) “Five types of livestock” – the basis of the nomadic economy of the Turk-Mongols of Inner Asia. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 1. P. 131–140. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-131-140>

Кочевники – монголы и тюрки, расселились на огромной территории Внутренней Азии, включающей природные зоны от пустыни до тундры, от высокогорья до степных равнин. Освоение кочевниками этого разнородного пространства – одна из насущных проблем истории кочевых обществ, не потерявшей своей актуальности. Важнейшим достижением биологической адаптации кочевой культуры к суровым, непредсказуемым природным условиям Внутренней Азии стало разведение разных видов домашних животных, приспособленных к разным экологическим нишам региона, представленным пустынями, полупустынями, степями, лесостепной, таежной и высокогорной зонами. Целью данной работы является анализ традиционных практик скотоводства, обеспечивавших возможность успешного разведения скота, выявление значения отдельных видов животных в хозяйстве nomadov, символических образов животных. Источниками исследования выступают этнографические и фольклорные материалы, аккумулированные исследователями у разных тюркских и монгольских народов Внутренней Азии в XIX–XXI вв.

Основу хозяйственной деятельности тюрко-монгольских кочевников Внутренней Азии представляет скотоводство. Главным богатством кочевника выступает домашний скот, собирательный образ которого воплощен в понятии *табан хошуу*

мал – «пять видов скота». В состав *табан хошуу мал* входят лошади, верблюды, крупный рогатый скот, овцы и козы. Однако в пространстве Внутренней Азии есть регионы, где все виды священной пятерки обитать не могут, либо их содержание экономически не оправдано. Поэтому в разных природных зонах Внутренней Азии отдельными «пазлами» священной пятерки могут выступать верблюды, хайнаки/сарлыки (помесь крупного рогатого скота и яков), козы и даже северные олени. В этой связи были актуальными и другие формулы: у хакасов имело место понятие *ясцирлиг мал* «трехстадный скот» (лошади, коровы и овцы) (Бу-танаев, 1999. С. 58).

Все животные кочевого хозяйства традиционно делятся на две группы – скот с «горячим дыханием» *халуунхушуутай* и с «холодным дыханием» *хүйтэнхушуутай*. К первой группе относятся лошади и овцы, ко второй – крупный рогатый скот, верблюды и козы. Подобная классификация основана на свойствах мяса животных, оказывающих согревающее или охлаждающее действие на организм человека. В дальнейшем подобная градация животных отразилась в представлениях о небесном происхождении и солнечной природе лошади и овцы, о родственной близости, «единокровности» лошади и овцы человеку, слагая тотемный

образ этих животных¹. Крупный рогатый скот, верблюдов и коз в тюрко-монгольской мифологии стали считать созданиями божества нижнего мира, воды, в связи с чем образы этих животных обрели негативные черты. Мясо животных с холодным дыханием кочевники употребляли неохотно, считая его вредным для здоровья (Радлов, 1989. С. 273).

Крупный рогатый скот, лошади и овцы, занимают важное место в системе жизнеобеспечения кочевников, обеспечивая их молоком, мясом, шкурами, волосом. Мелкий рогатый скот занимал второстепенные позиции, считаясь *бог мал* – букв. «сорный скот», а состоятельность хозяйства оценивалась в разные периоды истории по количеству верблюдов, коров и лошадей. Согласно материалам памятников монгольского права («Их цааз», «Восемнадцать степных законов» и др.) эти крупные животные наиболее часто называются в законах и для уплаты штрафа (Дылыков, 1981; Насилов, 2002. С. 84). «Крупный рогатый скот выступал в качестве условной единицы *бодо*, употребляемой при подсчете скота разных видов в переводе на одну голову КРС» (Дылыков, 1981. С. 39).

Лошади и крупный рогатый скот в качестве домашних животных, а не добычи, появляются в хозяйстве населения Центральной Азии в эпоху бронзы. На территории Прибайкалья на границе степной и лесной зон костные останки крупного рогатого скота и лошадей обнаруживаются уже в энеолите. Кости крупного рогатого скота в Прибайкалье находят в Шумилихинском могильнике (Л.Н. Иваньев), в районе Еравнинских озер на стоянке Харга-I, датируемой эпохой энеолита (Л.Г. Ивашина) (Асеев, 2003. С. 147). Данные археологических исследований и генетических исследований ДНК КРС свидетельствуют о том, что крупный рогатый скот в Центральной Азии является насле-

дием одного из предков КРС *Bostaurus*, причем его отдельным подвидом *turano-mongolicus*. «Центром одомашнивания этого предка домашнего рогатого скота стала территория на Ближнем Востоке между Черным, Каспийским, Средиземным морями и Персидским заливом» (Столповский, Ахани Азари, Евсюков, Кол, Рузина, Воронкова, Сулимова, 2011. С. 36–45). Монгольский подвид КРС отличается небольшими размерами, коровы имеют маленькое вымя и дают мало молока, однако оно обладает высокой жирностью и сыропригодностью.

В эпоху бронзы и железа скотоводство стало господствующим в производящем хозяйстве. «Только металлические удила с псалиями дали возможность полностью укротить диких лошадей и с их помощью провести в более широких масштабах доместикацию остальных травоядных животных» (Викторова, 1980. С. 107). Широкое использование лошади для верховой езды, как считает Л.Л. Викторова, способствовало сложению круглогодичного кочевания в Западной Монголии и Гобийском Алтае.

Мотив доместикации животных отражен и в мифах монгольских народов. Одним из известных культурных героев монгольской мифологии выступает мудрый ёж Зара Цецен (Заря Азарга в бурятской мифологии), восстановивший порядок мироустройства, создавший закон о браке. В бурятской версии предания о мудром еже он определяет судьбу лошадей и крупного рогатого скота: увидев ежа, быки разбегаются – за это они осуждены вечно носить тяжести и ходить под ярмом. Разбегаются в страхе и лошади, когда ёж приближается к табуну. Заря Азарга пророчески изрекает: «Пусть с этого времени с головы вашей не снимается узда, с шеи хомут, со спины седло, и с ног путы, вы будете возить человека и тяжести». Услышав слова ежа, главное небесное божество бурят Эсэгэ малантэнгри, счел их разумными и приступил к «одомашниванию» вола и лошади (Хангалов, 1958. С. 327).

Домашний скот обеспечивал кочевника всем необходимым для жизни в суровых природных условиях Внутренней Азии: от скота получали продукты питания, материалы для одежды и жилища,

¹ В большей степени распространено мнение, что почитание лошади и овцы и наделение их статусом *халуунхушутай* произошло вследствие того, что они занимали ключевые позиции в мифологической генеалогии кочевников. Согласно генеалогическим преданиям некоторых кочевых племен (бур. *шарануты*, *сартулы*) их происхождение связано с соловым, рыжим жеребцами.

бытовую утварь. Меры, направленные на увеличение объема продуктов животноводства, прежде всего, были связаны с содержанием скота, уходом за ним. Для скотоводов было важно, чтобы животные были сытыми, здоровыми и плодовитыми. Этим целям отвечала традиционная система регулирования пастбищ и водопоя в разные сезоны года, защита от нападения хищников, кровососущих насекомых, селекция, лечение.

Выбору и организации пастбищ и водопоя в кочевой культуре, отвечающих как практическим, так и иррациональным требованиям и условиям, сложившимся в традиционном мировоззрении кочевников, посвящено много работ отечественных и зарубежных исследователей, в связи с чем этот аспект скотоводческой практики в статье подробно рассматриваться не будет. Кратко можно сказать, что главным аргументом в пользу выбора местности для временного пребывания было качество пастбищ *бильчир*. Выбирая пастбища, кочевники принимали во внимание множество факторов. Они знали полезные и вредные качества местной флоры, потребности каждого вида скота, располагали сведениями о наличии мест, богатых минеральными веществами. Место для стойбища выбиралось с растительностью, приемлемой для всех видов животных (Цэрэнханд, 1993. С. 33; Бадамхатан, 2004. С. 13). Хорошо разбираясь в локальных особенностях климата, особенно в пустынных зонах, кочевники разрабатывали кочевые маршруты, избегая засушливые места. Основываясь на опыте и долгосрочном воздействии циклов сухой и влажной погоды, монгольские пастухи могут немедленно перевести экологические условия в «ресурсы» (Fernandez-Gimenez, 2000). Это искусство монгольских скотоводов Nicola di Cosmo считает важным преимуществом в военных кампаниях и расширении монгольской империи, наряду с подвижностью, дисциплиной и выносливостью монгольских воинов (Di Cosmo, 2017. P. 76).

Содержание скота и уход за ним включали и множество других важных и необходимых занятий, которые редко попадают в поле зрения исследователей. Так, в частности, домашние животные болели разными видами заболеваний и нуждались в

своевременном лечении. В рамках многовекового опыта ухода за животными кочевники научились распознавать заболевания и оказывать необходимую помощь – лечили переломы, оказывали помощь при родах, извлекали погибший плод, знали лекарственные травы, изгоняющие паразитов, заживляющие раны, согревающие скот в зимний период. Использовали соки ядовитых растений в составах мазей, которыми обрабатывали раны и ссадины у домашнего скота с целью уничтожения личинок мух в ранах животных (Хайдав, Алтанчимэг, Варламова, 1985. С. 198). Только в случае инфекционных заболеваний – сибирской язвы, чумы, бешенства, ящюра кочевники были беспомощны и обращались к магическим приемам лечения.

Важное место в скотоводстве занимал отбор производителей и формирование маточного стада. Выбирая матку для разведения скота, обращали внимание на плодовитость животных, их способность выживать в неблагоприятных климатических условиях, способность быстро восстанавливать мышечную массу и нагуливать жир, высокую удою, спокойный нрав. Внешними признаками, свидетельствующими о хорошем состоянии животного, на которые, прежде всего, обращали внимание скотоводы, являются плотная шкура и блестящая шерсть (Монгол улсын угсаатны зүй, 2012b. С. 173), крепкие копыта, которыми животное без труда может разгребать снег на тебеневке.

При разведении лошадей и крупного рогатого скота кочевники ориентировались преимущественно на плодовитость животных, которая, по их мнению, преимущественно зависела от масти и отдавали предпочтение животным темной окраски. В представлениях монголов существует понятие о зёв зус, т. е. «правильной» или другими словами «благоприятной» с практической точки зрения масти лошадей. К числу таких мастей относится вороная хар, рыжая зээрдэ, гнедая хүрэн, бурая хээр. У халха-монголов при выборе будущего жеребца-производителя табуна обычно оставляли животное вороной, гнедой, темно-бурой масти (БНМАУ-ын угсаатны зүй, 1987. С. 63). Гнедую и вороную масть производителя предпочитали и алтайские урянхайцы (Лхагвасурэн, 2013. С. 32). Чем

определялось предпочтение таких мастей лошадей? По наблюдениям кочевников, лучшие качества породы, приспособленной к суровым условиям Монголии, воплощали в себе животные темной масти. Узэмчины считали, что лошади темных мастей более жизнестойкие, что очень важно, особенно если случится зуд/дзуд (ненастье, гололед, бескормица, засуха) – зуданд тэсвэртэй (Монгол улсын угсаатны зүй, 2012b. С. 171–174). Их взгляды разделяли и ойраты. «Они считали, что скот темно-бурой масти в летнее время быстрее набирает жир, очень вынослив, хорошо переносит морозы и жару. У скота темно-бурой масти копыта не повреждаются в зимнее время, когда случается дзуд. Скот светлой масти не отличается выносливостью и труднее переносит сильный ветер, суровую зиму и весну Алтая. Кроме того, ойраты считали, что животные одной масти хорошо размножаются. В этой связи западные монголы преимущественно выращивали темно-гнедых, бурых, рыжих лошадей. Скот таких мастей хорошо приспособляется к резким колебаниям климата и природным условиям Алтайских гор» (Содномпилова, Нанзатов, 2014. С. 102).

Животные белой масти тоже были нужны хозяйству, так как они приносят счастье. Белые и светло-серые лошади считались престижными – лошадь такой масти посылали за почетным гостем (Лхагвасурэн, 2013. С. 32). Белую кобылицу дарила семья жениха в качестве «платы за молоко» матери невесты, на белом коне принято было увозить невесту из дома.

Опыт кочевников, накопленный за многие сотни лет, сегодня подтверждается результатами генетических исследований. В частности, стало известно, что особенностью некоторых мастей являются сопутствующие им заболевания. Так, лошади истинно белой масти, которая в действительности очень редка, имеют некоторые наследственные пороки, например, бесплодие или малую плодовитость.

Характеризуя достоинства и крупного рогатого скота, также ориентировались на его масть. В хозяйстве монголов преобладал скот бурой, рыжей, черной, тигровой масти, с белыми отметинами на

голове, ногах, животе. Коровы бурой масти были лучше приспособлены к сложным природным условиям Монголии, однако шкура их была более тонкой, а молоко жидким (Монгол улсын угсаатны зүй, 2012a. С. 272). Масти бурятских коров были более разнообразными. Нередко среди них встречался скот голубой (светло-серой) масти. Бычки такой масти посвящались божеству-прародителю бурят племени *булагат* Буха-нойону. Быка производителя выбирали, ориентируясь на его телосложение и нрав: у бычка должна быть узкая и легкая грудь, хвост, напоминающий по форме знамя, высокие ноги, спокойный нрав (Монгол улсын угсаатны зүй, 2012b. С. 173).

Среди верблюдов преимущественно были распространены бурая, темно-коричневая масти. Изредка встречались верблюды белой, кремовой масти, которые считались очень ценными – их определяли в дар знатым людям, в приданое дочери, посвящали богам. Однако лучшими в перевозке тяжестей считались верблюды желтой масти (Монгол улсын угсаатны зүй, 2012a. С. 272).

Проблемой кочевников Внутренней Азии повсеместно были волки, наносившие большой урон хозяйству. На них в прошлом регулярно устраивали облавы, иногда уничтожали в логове щенков, добывали волка, используя кнут *ташуур* – им убивали зверя на скаку, переламывая животному шейные позвонки (Монгол улсын угсаатны зүй, 2012a. С. 272). Облегчение в борьбе с волками принесло скотоводам огнестрельное оружие. В борьбе с хищниками скотоводы Монголии широко применяли в практике ядовитые свойства растений. Так, например, корни аконита северного, аконита Турчанинова монгольские араты измельчали в порошок, смешивали с кровью убитых животных и использовали для отравления хищников (Хайдав, Алтанчимэг, Варламова, 1985. С. 194).

Одним из значимых элементов скотоводческой практики, особенно актуального в лесостепной и лесной природных зонах, является использование дымокуров. Дымокуры, в качестве которых использовали сухой навоз скота вместе с пахучими травами, не позволяли приближаться к животным назойливым насекомым. Это свойство дымокура

притягивало животных, не давая им разбежаться. В якутских преданиях дымокур выступает как важнейший элемент домостроения животных, и его первое применение связано с первопредком якутов и культурным героем Эллеем.

Чрезвычайно важной проблемой в деле разведения скота было обозначение принадлежности животных определенному хозяйству. Знаки собственности на скот в кочевой культуре имеют древнюю историю, исследованию которой посвящено много работ (Хороших 1929; Зувев 1960; Михайлов, 2005; Бутанаев, 2004). Выявлено несколько разновидностей способов обозначения собственности: тамги (клейма), ушные метки, надрезы, разнообразные формы стрижки, плетения волос гривы и хвоста лошадей, подковы (Михайлов, 2005. С. 112–138). Тамги на лошадей было принято ставить с левой стороны на бедре животного, с «приступной» стороны. «В XIX в. по требованию российских властей ставить знаки собственности, указывающие инициалы собственника, именные тамги стали ставиться хакасами на лопатке, а старинные родовые продолжали ставить на задней ноге лошади» (Бутанаев, 2004. С. 101). Отличительными метками служили также выразительные особенности масти животных, особенно лошадей. Согласно сведениям китайских письменных источников, пятнистых, вероятно пегих и чубарых лошадей продавали Китаю представители племен Гу-ли-гань и Чжан-и-гу, местоположение которых связываются с территорией современной этнической Бурятии. При этом их объединяет одна порода лошадей: «Лошади племени Чжан-и-гу одной породы с лошадьми племени гу-ли-гань. На крупе множество черных пятен, они пегие и по расцветке подобны леопардам» (Зувев, 1960. С. 106). Привлекает внимание то, что «лошади гу-ли-ганей не имели тамг, так как их принято было различать по ушам и морде. Лошади, которые не имели тавра, должны были обладать какими-либо особыми приметам и в случае с пегими и чубарыми лошадьми, такими приметам, вероятно, были особенные пятна на шкуре лошадей» (Содномпилова, Нанзатов, 2014. С. 104).

В правовом наследии Монгольской империи, представленном разными памятниками монголь-

ского права, большой объем занимают статьи, посвященные правонарушениям, связанным с домашним скотом. Статьи отражают широкий спектр правонарушений и наказаний за них, а также рекомендации, относительно разных ситуаций, например, наставления как следует поступать с бродячими животными. Кража скота была самым распространенным правонарушением в степи и наказывалась большими штрафами. Преступлением считалось также присвоение бродячего скота. Ему приравнивалось проставление ушных меток на бродячих животных. Вне закона были стрижка шерсти скота, доение животных, использование их в работе вне ведома хозяина. Нашли отражение в памятниках монгольского права позитивные действия – спасение животных в случае пожаров, животных, застрявших в грязи, содержание заблудившегося скота (Дылыков, 1981. С. 23, 26, 29). Важное значение в законодательстве уделялось нраву животного-производителя, поскольку нередко были случаи их нападения на людей и животных. Наличие в хозяйстве бодливого быка, а также агрессивного жеребца или верблюда-самца влекло для хозяина уголовную ответственность, если животные становились причиной увечий или гибели человека, что отражено в более поздних версиях монгольского права, в частности в обычном праве селенгинских бурят (Цыбиков, 1970. С. 46).

Мелкий рогатый скот. Овцы и неприхотливые козы содержались в кочевых хозяйствах всех природных зон Внутренней Азии, которые отличались только лишь численностью голов этих животных: в засушливых полупустынных местах и горных районах преобладали козы, а численность овец не превышала 5–10 голов, в богатых пастбищами степных и лесостепных зонах стада овец могли достигать тысячи голов. Овцы занимали исключительно важное место в жизниномада, обеспечивая ему питание, кров и одежду. Неприхотливые козы способны были обитать в самых неблагоприятных природных условиях, давая кочевнику молоко, пух, мясо, шкуры. Эти животные становились спасением для бедняков, которые не могли содержать других животных. Из шерсти овец изготавливали войлоки, служившие покрытием для стен юрты, из

войлока делали постельные принадлежности, напольные ковры, шкуры овец и коз шли на изготовление одежды, одеял, мясом овец и коз кочевники питались круглый год.

Лошади. Для кочевника главным богатством были лошади, практически единственный вид скота, который смог приспособиться к разным природным зонам на просторах Азии – к суровым условиям высокогорных районов, пустынь и даже тундры. Именно конские табуны радовали душу и улаждали глаза кочевника. В культуре тюрко-монголов известно множество позитивных представлений, связанных с лошадей. Это и масти лошадей, приносящих счастье хозяину, конское снаряжение, которое даже способно было излечивать некоторые болезни (удила), конский волос, который до появления тканей приносили в жертву духам, изображения лошадей (моринхур, ритуальные ложки и др.). В Якутии, где лошади выступали основой хозяйства, его состоятельность оценивалась только количеством лошадей: «Якут, сколько бы ни было у него рогатого скота все жаловался и считал себя бедным; только когда завел один-другой табун коней, начинал говорить: "Ну, теперь и я со скотом, есть и у меня добро!» (Серошевский, 1993. С. 252).

КРС (крупный рогатый скот). В благоприятной природной среде с богатыми пастбищами, где климат отличался умеренностью холодных и теплых сезонов, высоко ценился крупный рогатый скот. Там, где хозяйство основывалось на разведении крупного рогатого скота, представления о счастье, достатке связывались именно с коровами. Символом изобилия кочевой культуры, разводящей крупный рогатый скот, выступали молоко и масло. У бурят сакральным ореолом окружено молоко *урак* – «первое молоко коровы» (Хангалов, 1958. С. 407). Во время специальных обрядов в знак благосклонности семье божества-покровители скота и молочного изобилия спускали такой урак на землю (Дугаров, 2015. С. 49).

Верблюды. Верблюды *тэмээ, нар* получил широкое распространение в хозяйствах кочевников Центральной Азии в засушливых районах пустынь и полупустынь Внутренней Азии. Основное предна-

значение верблюда – перевозить грузы. Кроме того, очень ценилась шерсть верблюда, из которой пряли нити, подбивали зимнюю одежду и даже ткали сукно.

У тюрков и ойратов верблюды, как самый дорогой домашний скот, являются важной частью приданого – скотоводы дочери в приданое обычно выделяют одну верблюдицу. Поскольку верблюды отличаются своим долголетием, доживая до 40–50 лет, животное может переходить по наследству от матери к дочери. Тувинцы в этой связи, называли верблюда «приданным трех девушек» – *уш кыс тынончузу*: верблюжонок, подаренный невесте в день её свадьбы, переходил затем к её дочери, от нее – к внучке (Донгак, 2010)².

«И молоко, и мясо верблюда обладает полезными качествами – нежирное мясо легко усваивается и рекомендуется людям с больной печенью, желчным пузырем, *айраг* из молока верблюда превосходит по своим вкусовым качествам и полезным свойствам всем известный кумыс» (Содномпилова, Нанзатов, 2013. С. 36). Относительно полезных качеств верблюда известна одна казахская мудрость: «Из всех видов скота верблюд является самым главным животным, ибо он по молочности не уступает корове, настригу шерсти – овце, работоспособности – лошади» (Ручкина, Вахитова, 2008. С. 2)³.

Даже внешность верблюда для кочевников, в хозяйстве которых верблюды занимал ключевые позиции, представляется идеалом красоты. Об этом свидетельствует перечень характерных черт верблюда *тэмэанишинжи*, записанный у ойратов Синцзяня: у верблюда «глаза красивые как у змеи, губы прекрасные, как у зайца, уши красивые как у волка, шерсть прекрасная как у овцы, шея красивая как у барса, а тело прекрасное, как у дракона» (Тодаева, 2001. С. 456).

² Донгак С.Ч. Традиции скотоводства у тувинцев (конец XIX – середина XX вв.): дисс. канд. ист. наук. Кызыл. 2010. 196 с.

³ Ручкина Г.А., Вахитова Р.З. Верблюдоводство. Учебное пособие для студ. Вузов / Г.А. Ручкина, Р.З. Вахитова. Костанай: Костанайполиграфия. 2008. 142 с.

Заключение. Таким образом, основное занятие кочевников Внутренней Азии – скотоводство, представляет собой систему знаний и практик, своей сложностью не уступающей разным системам земледелия. Основу скотоводческих практик, безусловно, составляют знания кочевников о ресурсах пастбищ в разное время года для разных видов скота, особенностях кормовой базы, изменениях погоды. Постоянно наблюдая за животными, кочевники внимательно следили за изменениями в поведении скота, его внешнего вида, которые ста-

новились сигналом для смены пастбищ. Так, например, узумчины обращали внимание на форму живота крупного рогатого скота и цвет его языка, изменения которых указывали на истощенность животных, и немедленно перекочевывали с зимних пастбищ на верхние пастбища (Монгол улсын угсаатны зүй, 2012b. С. 173).

Но, не менее важными являются и другие занятия скотоводов, направленные на селекцию животных, поддержание их здоровья, защиту животных от хищников, кровососущих насекомых.

Библиографический список

- Асеев И.В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. Новосибирск: Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. 2003. 208 с.
- Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Хакасия. 1999. 240 с.
- Бутанаев В.Я. Степные законы Хонгорая. Абакан: Хакасский государственный университет, 2004. 279 с.
- Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука. 1980. 223 с.
- Дугаров Б.С. Тенгристская мифологии: пантеон божеств и эпическая интерпретация // MONGOLICA–XIV. СПб., 2015. С. 48–51.
- Дылыков С.Д. Их цааз (Великое уложение). Памятник монгольского феодального права XVIII в. / транслитерация, перевод, введение и комментарии С.Д. Дылыкова. М.: Наука. 1981. 147 с.
- Зуев Ю.А. Тамги лошадей из вассальных княжеств // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата: Академия наук Казахской ССР. 1960. С. 93–139.
- Лхагвасурэн И. Алтайские урянхайцы. Историко-этнографические очерки (конец XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, 2013. 176 с.
- Михайлов В.А. Традиционные занятия бурят. Животноводство, земледелие. (XVII– начало XX в.). Улан-Удэ: Республиканская типография. 2005. 274 с.
- Насилов А.Д. Восемнадцать степных законов / перевод монгольского текста, комментарии и исследования А.Д. Насилова. СПб.: Петербургское востоковедение. 2002. 159 с.
- Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука. 1989. 749 с.

References

- Aseev I.V. (2003) Southeast Siberia in the era of stone and metal. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 208 p. (In Russ.)
- Butanaev V.Ya. (1999) Khakassian-Russian historical and ethnographic dictionary. Abakan: Khakassia. 240 p. (In Russ.)
- Butanaev V.Ya. (2004) The steppe laws of Khongorai. Abakan: Khakass State University. 279 p. (In Russ.)
- Viktorova L.L. (1980) The Mongols. The origin of the people and the origins of culture. Moscow: Nauka. 223 p. (In Russ.)
- Dugarov B.S. (2015) Tengri mythology: pantheon of deities and epic interpretation. Mongolica-XIV. St. Petersburg. P. 48–51. (In Russ.)
- Dylykov S.D. (1981) Ikhtsaaz ("Great Code"). Monument of Mongol feudal law of the XVIII century. Translation, introduction and commentary by S.D. Dylykov. Moscow: Nauka. 147 p. (In Russ.)
- Zuev Yu. A. (1960) Tamgas of horses from vassal principalities. *Novye materialy po drevnei i srednevekovoi istorii Kazakhstana* = New materials on the ancient and medieval history of Kazakhstan. Alma-Ata: Akademiya nauk Kazakhskoi SSR. P. 93–139. (In Russ.)
- Lhagvasvuren I. (2013) Altai Urikhaytsy. Historical and ethnographic essays (late 19th – early 20th centuries). Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS. 176 p. (In Russ.)
- Mikhailov V.A. (2005) Traditional activities of the Buryats. Livestock, farming. (17th – beginning of 20th centuries). Ulan-Ude: Republican Typo. 274 p. (In Russ.)
- Nasilov A.D. (2002) Eighteen steppe laws. Monument to Mongolian law XVI – XVII centuries. Translation, introduction and commentary by A.D. Nasilov. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies. 159 p. (In Russ.)
- Radlov V.V. (1989) From Siberia. Diary Pages. Moscow: Nauka. 749 p. (In Russ.)

- Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: Московская типография № 2. 1993. 736 с.
- Содномпилова М.М., Нанзатов Б.З. «Табан хошуу мал»: верблюд в традиционных представлениях монгольских народов // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. № 4 (12). С. 34–44.
- Содномпилова М.М., Нанзатов Б.З. Зөв зүс, или «правильная» масть лошади в коневодческой культуре монгольских народов: символика масти // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2014. № 3 (15). С. 100–116.
- Столповский Ю.А., Ахани Азари М., Евсюков А.Н., Кол Н.В., Рузина М.Н., Воронкова Л.Н., Сулимова Г.Е. Дифференциация пород крупного рогатого скота с использованием мультилокусного межмикросателлитного анализа (ISSR-PCR) // Сельскохозяйственная биология. 2011. № 4. С. 36–45.
- Тодаева Б.Х. Словарь языка ойратов Синцзяна. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2001. 489 с.
- Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Т. I. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1958. 550 с.
- Хайдав Ц., Алтанчимэг Б., Варламова Т.С. Лекарственные растения в монгольской медицине. Улан-Батор, 1985. 390 с.
- Хороших П.П. Знаки собственности бурят. Сер. Сибирская живая старина, 1929. Вып. VIII–IX. 22 с.
- Цыбиков Б.Д. Обычное право селенгинских бурят. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1970. 282 с.
- Цэрэнханд Г. Традиции кочевого стойбища у монголов // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. Новосибирск: Наука, 1993. С. 27–36.
- Бадамхатан С. Эрдэм шинжилгээний бүтээлүүд II. Уланбаатар, 2004. 277 т.
- БНМАУ-ын угсаатны зүй. I боть. Халхын угсаатны зүй (XIX–XX зууны заагүе). Улаанбаатар, 1987. 431 р.
- Монгол Улсын угсаатны зүй. II боть. Ойрадын угсаатны зүй. – Улаанбаатар, 2012а. 534 т.
- Монгол Улсын угсаатны зүй. III боть. Монгол, Түрэг, Хамниган овогтны угсаатны зүй. Улаанбаатар, 2012б. 448 р.
- Di Cosmo, N. 2015. Why Qara Qorum? Climate and geography in the early Mongol Empire. *Archivum Eaurasiae Medii Aevi*. Vol. 21 (2014/2015). pp. 67–78.
- Seroshevsky V.L. (1993) Yakuts. Ethnographic research experience. Moscow: Moscow printing house No. 2. 736 p. (In Russ.)
- Sodnompilova M.M., Nanzatov B.Z. (2013) «Taban khoshuu mal»: camel in the representation of the Mongolian peoples. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* = Bulletin of the Buryat Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. No 4 (12). P. 34–44. (In Russ.)
- Sodnompilova M.M., Nanzatov B.Z. (2014) Zev zus or “correct” color of a horse in horse-breeding culture of Mongolian peoples: symbolism of color. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* = Bulletin of the Buryat Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. No 3 (15). P. 100–116. (In Russ.)
- Stolpovsky Yu.A., Ahani Azari M., Evsikov A.N., Kol N.V., Ruzina M.N., Voronkova L.N., Sulimova G.E. (2011) Differentiation of cattle breeds using multilocus intermicrosatellite analysis (ISSR-PCR). *Sel'skokhozyaistvennaya biologiya* = Agricultural Biology. No. 4. P. 36–45. (In Russ.)
- Todaeva B.Kh. (2001) Dictionary of the Oirat language of Xinjiang. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo. 489 p. (In Russ.)
- Khangelov M.N. (1958) Collected Works. Vol. I. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo. 550 p. (In Russ.)
- Khaidav C., Altanchimeg B., Varlamova T.S. (1985) Medicinal plants in Mongolian medicine. Ulan Bator. 390 p. (In Russ.)
- Khoroshikh P.P. (1929) Signs of property are being drilled. Ser. Siberian Living Antiquity. Vol. VIII–IX. 22 p. (In Russ.)
- Tsybikov B.D. (1970) The customary law of the Selenga Buryats. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo. 282 p. (In Russ.)
- Tserenkhand G. (1993) Traditions of a nomad camp at the Mongols. *Iz istorii khozyaistva i material'noi kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov* = From the history of the economy and material culture of the Turkic-Mongolian peoples. Novosibirsk: Nauka. P. 27–36. (In Russ.)
- Badamkhatan S. Scientific Works II. Ulanbaatar, 2004. 277 p. (In Mong.)
- Ethnography of the MPR. Volume I. Khalkh's ethnography (XIX–XX centuries). Ulaanbaatar, 1987. 431 p. (In Mong.)
- Mongolian Ethnography (Oyrat Ethnography). Volume II. Oyrat Ethnography. Ulaanbaatar, 2012a. 534 p. (In Mong.)
- Mongolian Ethnography. Volume III. Ethnography of Mongolian, Turkic and Hamnigan clans. Ulaanbaatar, 2012b. 448 p. (In Mong.)
- Di Cosmo, N. 2015. Why Qara Qorum? Climate and geography in the early Mongol Empire. *Archivum Eaurasiae Medii Aevi*. Vol. 21 (2014/2015). pp. 67–78. (In Eng.)

Fernandez-Gimenez, M.E. 2000. The Role of Mongolia Nomadic Pastoralists' Ecological Knowledge in Rangeland Management. Ecological Applications, Vol. 10. No. 5. P. 1318–1326.

Критерии авторства

М.М. Содномпилова, Б.З. Нанзатов выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторах

Содномпилова Марина Михайловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, Россия, ✉ e-mail: sodnompilova@yandex.ru

Нанзатов Баир Зориктоевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, Россия, ✉ e-mail: nanzatov@yandex.ru

Fernandez-Gimenez, M.E. 2000. The Role of Mongolia Nomadic Pastoralists' Ecological Knowledge in Rangeland Management. Ecological Applications, Vol. 10. No. 5. P. 1318–1326. (In Eng.)

Attribution criteria

M.M.Sodnompilova, B.Z. Nanzatov made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Information about the authors

Marina M. Sodnompilova, Dr. Sci. (History), Leader researcher, Department of history, ethnology and sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 6, Sakhyanova street, Ulan-Ude 670047, Russia, ✉ e-mail: sodnompilova@yandex.ru

Bair Z. Nanzatov, Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Department of history, ethnology and sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 6, Sakhyanova street, Ulan-Ude 670047, Russia, ✉ e-mail: nanzatov@yandex.ru